

Психобиография: некоторые размышления о кризисе жанра

И. Ю. Никитин

Никитин Илья Юрьевич – организационный психолог (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия), магистр искусств интегральной психологии (Университет Джона Ф. Кеннеди, США), студент программы Микropsихоанализ Московского института психоанализа.

Данная статья посвящена краткой истории развития психобиографического метода исследования личности человека и эволюции техники интерпретации: от психиатрического подхода (Лелю, Мебиус) к психоаналитическому (Фрейд, Эрикссон, Хорни) в его различных вариациях. Автором рассматривается фундаментальная проблема метода и предлагается технический подход для ее разрешения.

Ключевые слова: психобиография, патография, психоанализ, психоистория, развитие личности.

Психобиография как техника или жанр анализа и интерпретации биографии исторической личности с позиций психологии (Головин, 2001) появилась в XIX веке и своим появлением обязана французскому психиатру и психофизиологу Л.-Ф. Лелю, издавшему в 1836 году исследование личности древнегреческого философа Сократа. Лелю, отталкиваясь от изречения философа, в котором последний отнес некому внутреннему божеству – гению или демону – роль катализатора всех своих мыслей, предположил наличие у Сократа галлюцинаций. Подход Лелю получил дальнейшее развитие в исследованиях немецкого невропатолога и психиатра П. Ю. Мебиуса, благодаря которому жанр психологической интерпретации биографии получил название патографии. В работах Мебиуса, посвященных Гете, Шопенгауэру, Шуману и ряду иных исторических личностей, патография стала методом описания жизни человека, сосредоточенным на истории его болезни, в определенном смысле сузившим рамки исследования с биографии в целом (психобиография) до психологического недуга в частности (патография).

Психобиографические и патографические исследования, таким образом, носят заочный или посмертный характер, что обуславливается удаленностью субъекта анализа от исследователя и его недоступностью для непосредственного изучения (Якушев, 2010). Следовательно, психобиографический и патографический анализ могут быть определены в качестве праксиметрических методов исследования¹ и относятся к герменевтическому подходу, реализующему принципы понимающей (объяснительной) психологии В. Дильтея².

Психобиографическое исследование с позиций психиатрии (Лелю, Мебиус) может быть сведено к идее, «что между помешанным во время припадка и гениальным человеком <...> существует полнейшее сходство» (Ломброзо, 2011, с. 29). Психиатрическая патография, таким образом, является изучением психических и личностных расстройств автора посредством анализа его художественных произведений (Жмуров, 2010) и своей целью ставит оценку личности человека в качестве психически больного (Блейхер, Крук, 1995). Стоит отметить, что на современном этапе развития научной мысли психиатрическая патография является достаточно редко используемым методом анализа и в качестве самостоятельного исследования встречается достаточно редко (Якушев, 2010), в западной психологии получив клеймо инструмента «социальной стигматизации» (Сироткина, 2011).

Существенные изменения психобиографический жанр исследования начал претерпевать только в начале XX века в связи с развитием психоаналитической теории З. Фрейда. Так, опираясь на выработанные Лелю и Мебиусом принципы исследования, фрейдистское прочтение биографии стало отдаляться от психиатрической базы и за теоретическую основу исследования приняло психоанализ соответственно. Естественным образом ко второй половине XX века исследования Фрейдом личностей Леонардо да Винчи и Ф. М. Достоевского утвердили психоаналитическое прочтение биографии в качестве основы для психобиографии в целом (Осипов, 1998). В это же время была сформулирована новая парадигма данного подхода, обозначившая период раннего детства и в особенности психосексуальное развитие личности в качестве основного предмета анализа психобиографии (Лейбин, 2010).

Психобиография с позиций психоанализа конечной целью поставила распознавание глубинных мотивов и душевных процессов посредством психоаналитического прочтения литературных текстов (Фрейд, 2010a). Соответственно, психоаналитическое психобиографическое

¹ Практиметрический метод исследования – исследование, в ходе которого «психолог не измеряет и не наблюдает актуальное поведение испытуемого, а анализирует дневниковые записи и заметки, архивные материалы, продукты трудовой, учебной или творческой деятельности» (Дружинин, 2008, с. 45).

² В. Дильтей предложил феноменологический подход, реализующий «не причинное объяснение душевной жизни человека, а понимание ее интуитивно переживаемой целостности и соотношение с миром культурно-исторических ценностей» (Мещеряков, Зинченко, 2009).

исследование сфокусировалось на «анализе детства исторической личности и ее переживаний, связанных с инфантильным психосексуальным развитием, взаимоотношениями между ребенком и родителями, внутрипсихическими конфликтами, особенностями формирования характера, а также их последствиями» (Лейбин, 2010, с. 517)^{3, 4}.

В ходе работы над «Толкованием сновидений» (1897–1899) в письме В. Флиссу Фрейд писал об удовольствии, полученном им от прочтения романа «Судья» (1882) К. Ф. Мейера, и обещал вскоре прислать свои размышления по поводу прочитанного. В письме Флиссу, датированном 20 июня 1898 года, Фрейд сделал одну из первых попыток интерпретации художественного текста посредством психоанализа – попытку «анализировать семантическое пространство художественного текста как поле, на котором проявляются типологические черты личности автора» (Белянин, 2006, с. 33).

Одной из первых крупных психобиографических работ, поставивших целью рассмотреть психическое развитие личности в условиях невозможности выступления субъекта исследования в качестве анализанда, стала работа Фрейда, посвященная Леонардо да Винчи. Находясь в условиях практически отсутствующего биографического материала о раннем детстве да Винчи, Фрейд, соотнося имеющуюся информацию о жизни художника с дневниковыми записями последнего, предпринял попытку воссоздания последовательности развития его психики. Фрейд предполагал наличие тесной взаимосвязи между психикой автора и актом создания. В продукте последнего ученый видел «смесь работоспособности,

³ Психоаналитическая психобиография, реализуя задачу объяснения скрытых мотивов и недоступных для прямого анализа мыслей, расширяет рамки герменевтики Дильтея, оперируя уже не только осознаваемыми переживаниями, но и символическими константами (Дружинин, 2008). Соразмерно Ю. Хабермас рассматривает психоаналитическое понимание (психоаналитическую психобиографию) в качестве глубинной герменевтики (Хабермас, 2007).

⁴ Отдельно стоит отметить, что написанная Фрейдом в соавторстве с У. Буллитом патографическая работа о двадцать восьмом президенте США В. Вильсоне стала очередной отправной точкой в эволюции развития психобиографии. Опубликованное исследование положило начало дифференциации психобиографии в системе научного знания как прикладного метода политической психологии, направленного на изучение ряда особенностей характера общественных деятелей – в первую очередь, на рассмотрение вопроса формирования лидерских качеств с точки зрения индивидуального развития в периоды детства и юношества (Василик, Вершинин, 2000). Параллельно с утверждением психоаналитического подхода к психобиографии, представителями которого стали помимо Фрейда Г. Ласуэлл и В. Вильфенштейн, в 1957 году началось очередное переосмысление данного вида исследований. В частности, У. Лангер предложил новую парадигму развития психобиографии, сделав ее интегративной с историей – таким образом было положено начало психоистории, сфокусировавшейся на «бессознательных механизмах поведения личности в контексте социальных и политических событий» (Василик, Вершинин, 2000, с. 134).

перверсий и неврозов» (Фрейд, 2010б, с. 111). Анализируя текст с позиции психоаналитической теории личности, Фрейд писал: «Искусство своеобразным путем достигает примирения этих двух принципов (*принципа удовольствия и принципа реальности*. – Н. И.)». Художник – это <...> человек, отвращающийся от действительности, <...> он не в состоянии примириться с требуемым ею отказом от удовлетворения влечений; он открывает простор своим эгоистическим и честолюбивым замыслам в области фантазии. Однако из мира фантазий он находит обратный путь в реальность, преобразая <...> свои фантазии в новый вид деятельности <...> Таким образом, он становится <...> каким и хотел стать, избавляясь от необходимости действительного изменения внешнего мира» (Фрейд, 2006, с. 82–83). В свете данного взгляда на искусство Фрейд рассматривал любой, даже ограниченный в объеме текст в качестве достаточного источника сведений о его авторе, видя возможность, с использованием психоанализа, распознать глубинные мотивы и душевные процессы создателя (Фрейд, 2010а).

Сохраняя уверенность в возможности реконструкции этапов развития психики личности посредством психоаналитического прочтения текста, Фрейд признавал ограниченность данного метода, отмечая: «<...> даже имея в своем распоряжении самый широкий исторический материал, <...> психоаналитическое исследование <...> не может доказать необходимости того, что индивидуум мог стать только таким, а не иным» (Фрейд, 2010а, с. 420). В различных работах, посвященных психоаналитическому разбору художественных произведений, Фрейд неоднократно упоминал об узости избранного подхода к осмыслению личности автора; суммируя размышления ученого о природе творчества и процессе создания, В. М. Лейбин писал: «Психоанализу не дано раскрыть ни средства, которыми работает писатель, ни художественную технику, к которой он прибегает в процессе своей деятельности. <...> (Фрейд. – Н. И.) подчеркивал, что для некоторых из <...> (*проблем художественного творчества*. – Н. И.) психоаналитическое рассуждение дает удовлетворительное объяснение, в то время как по отношению к другим оно полностью отсутствует» (Лейбин, 2002, с. 11). Осознавая несовершенство психоанализа как метода изучения личности, удаленной от исследователя, Фрейд предвосхитил оценки современниками его работ в данном направлении^{5, 6}.

⁵ Неоднократно подвергнутый критике за бестактность в рассуждениях, Фрейд отмечал: «Когда психиатрическое исследование <...> приступает к одному из гигантов человеческого рода, оно <...> находит ценным для науки все, что доступно пониманию <...> и думает, что никто не настолько велик, чтобы для него было унижительно подлежать законам, одинаково господствующим над нормальным и болезненным» (Фрейд, 2010а, с. 370).

⁶ В. П. Белянин, рассуждая о работах Фрейда, писал: «В целом же отметим, что широкая дискуссия вокруг работ психоаналитического направления выявила в конечном итоге неуниверсальность трактовки сознания и подсознания, а также произвольность толкования смысла художественного текста» (Белянин, 2006, с. 20).

В ходе доклада, прочитанного в мае 1922 года в Цюрихе, К. Г. Юнг говорил: «И в самом деле, открытое Фрейдом направление медицинской психологии для историка литературы послужило новым толчком к установлению связи <...> художественного произведения с личными, интимными переживаниями писателя. <...> работа Фрейда позволяет более глубоко и исчерпывающе изучить влияние даже самых ранних детских переживаний на художественное творчество» (Юнг, 2007, с. 193). Следует при этом отметить, что Юнг крайне низко оценил полезность психоанализа художественного произведения, исходя из соображений, что данный метод в выводах бывает крайне бестактен, а в установлении закономерности соотношения «творец – творчество» ведет к «эстетической катастрофе». Юнг рассматривал подход Фрейда отдаляющимся от своего объекта (непосредственно художественного произведения) и несущественным для искусства (Юнг, 2007) и был склонен отрицать возможность изучения личности автора посредством психоаналитического прочтения его текстов, считая, что необходимо отграничивать «блуждания в лабиринте психических предпосылок» и сосредотачивать интерес исследователя непосредственно на самом художественном произведении (Юнг, 2007)⁷. Ученый полагал, что «вопросы из сферы искусства, разрешимые для психологии, ограничиваются психическим процессом художественной деятельности и никогда не будут касаться внутренней сущности самого искусства» (Юнг, 2007, с. 187). Стоит при этом отметить, что, несмотря на то что Юнг упрекнул психоанализ текстового документа в том, что последний «ничем не отличается от <...> искусно нюансированного литературно-психологического анализа» (Юнг, 2007, с. 186), его подход по сути уподоблялся классическому литературоведческому анализу, рассматривающему художественный текст как «продукт национальной культуры, общественной мысли» (Белянин, 2006, с. 9).

⁷ В краткой аннотации к методу литературоведческого анализа Белянин делает ремарку: «Литературоведческий подход к тексту предполагает рассмотрение его как некоторой имманентной сущности, замкнутой на себя системы» (Белянин, 2006, с. 9), что игнорирует любого рода внутренние (то есть присущие автору) побудительные причины творчества. С учетом изложенного здесь видится важным привести мнение Фрейда о природе акта создания: «Если <...> личность обладает <...> художественным дарованием, она может выражать свои фантазии не симптомами болезни, а художественными творениями <...>» (Фрейд, 2010а, с. 42); так, одновременно с тем, что метод Фрейда Беляниным классифицировался как субъективистский, собственный подход последнего к литературным произведениям есть подход «<...> к индивидуальному, личностному взгляду на мир, <...> мировоззрению и мироощущению автора» (Белянин, 2006, с. 141). Акцент исследования, таким образом, ставится не только на произведении как образце культуры эпохи, но и на его сути в качестве проекции жизни и мироощущения автора – что, как следует из исследований Фрейда, неразрывно связано с личностными особенностями автора.

Психобиография, с течением времени претерпев процесс отмежевания от классического психоанализа, стала междисциплинарным подходом, сочетающим элементы фрейдистского и неопрейдистского психоанализа, ряда смежных наук (таких как психиатрия и психопатология), а также социальной психологии и политической психологии, восходящих к трудам Э. Эриксона в рамках психоистории (Петровский, 2005)⁸. В частности, исследования Эриксона были в первую очередь сфокусированы на политической сфере и ее выдающихся деятелях (в особенности на авторитарных лидерах). Сам ученый описывал развиваемый в своих работах подход как «изучение частной и коллективной жизни с использованием методов психоанализа и истории» (Фрейдджер, Фейдимен, 2008, с. 209). Комментируя развитие данного направления, Р. Фрейдджер и Д. Фейдимен отмечают, что Эриксон видел необходимость расширения интересов психоаналитика от непосредственно личности субъекта до всего имеющегося комплекса социальных отношений и деятельности субъекта в контексте возможностей и ограничений внешнего мира (Фрейдджер, Фейдимен, 2008). В своих психобиографических работах (в числе которых исследования М. Лютера, М. Ганди, М. Горького, В. Вильсона, Т. Джефферсона) Эриксон опирался на выдвинутое им понятие идентичности – чувство непрерывности своего бытия как сущности, отличной от всех других (Райкрофт, 1995), – и на стадии человеческого развития⁹.

Следует отметить, что психобиографические исследования Эриксона подвергались критике за отсутствие соотнесения стадий развития с социокультурной и исторически сложившейся обстановкой той страны, продукт которой, человек, рассматривается (Фрейдджер, Фейдимен, 2008). Наметившийся кризис методов психобиографического исследования привел исследователей к смещению акцента на изучение Я объектов своих исследований. Первые разработки в данном направлении датируются второй половиной 1930-х годов и восходят к трудам А. Фрейда. «До выхода в свет этой книги (*"Я и механизмы защиты"*. – Н. И.) психоаналитическое мышление сосредотачивалось главным образом на Оно и инстинктивных влечениях. После ее появления и в теории, и в практике стали придавать большее значение повседневной деятельности, направляемой Я или проходящей в его области» (Фрейдджер, Фейдимен, 2008, с. 66). Фрейд отмечала: «Информация об Оно <...> может быть получена только

⁸ В числе прочих изучением личностей авторов посредством психоаналитического прочтения продуктов их творческой деятельности занимались А. Адлер, В. Райх, Э. Фромм, К. Хорни, Д. Ранкур-Лаферьер и некоторые другие неопрейдистские психоаналитики.

⁹ Согласно Эриксону, «существует восемь стадий человеческого развития, на каждой из которых индивид проявляет (или не способен проявить) качества эго – тот критерий, что свидетельствует, что на данной стадии эго индивида достаточно сильно для того, чтобы интегрировать график развития своего организма со структурой общественных институтов» (Райкрофт, 1995, с. 187).

на основании производных этой системы <...> силуэт (*Сверх-Я*. – Н. И.) становится видимым лишь в том случае, если Оно относится к Я враждебно либо критически. Сверх-Я, как и Оно, приоткрывается в состояниях, проецируемых на Я <...> Я – это посредник, с помощью которого мы пытаемся охарактеризовать два других образования» (Фрейд А., 2008, с. 4–5). Таким образом, задачей анализа по Фрейд является расчленение картины психики на три ее составляющие – что, однако, создает определенного рода технические трудности: «При изучении Я необходимо идти окольным путем, т. к. аналитик не может непосредственно исследовать активность Я. Единственная возможность для этого – реконструировать активность Я на основе ее влияния на ассоциации пациента. Иными словами, определение природы этого влияния – пропуск в ассоциациях, их перестановка, смещение смысла и т. п. – может помочь установить, какого типа защиту использовало Я при вмешательстве» (Фрейд А., 2008, с. 8). Уместно здесь будет упомянуть, что в рамках концепции Фрейд подход к изучению личности посредством анализа защитных механизмов Я возможен исключительно при классической форме взаимоотношений между аналитиком и его анализандом. Для возможности трактовки и изучения защит Я, согласно концепции, используются три вспомогательных приема: толкование сновидений, проработка свободных ассоциаций и работа с реакциями перенесения (Фрейд А., 2002, с. 25).

В контексте работы с текстовыми материалами традиционный набор психоаналитических техник требует отдельного комментария. В контексте невозможности прямого взаимодействия с субъектом исследования становится невозможно получить обратную связь в процессе анализа. Таким образом, теряется и возможность трактовки трансфера, понимаемого как «перемещение на своего аналитика чувств, представлений и пр., связанных с людьми из прошлого» (Райкрофт, 1995, с. 205). Среди техник, оставшихся у аналитика, таким образом, остаются только толкование сновидений и свободные ассоциации, которые, согласно представлениям Фрейда, абсолютно идентичны (Фрейд А., 2008). При невозможности работы с ассоциациями в распоряжении исследователя-психобиографа остаются исключительно сновидения – которые зачастую фигурируют в автобиографических дневниковых записях и корреспонденции, тем самым являясь частью текстового массива, который находится в распоряжении психобиографа. Анализ сновидений, относящийся к «средствам, делающим доступной нашему знанию скрытую часть души» (Фрейд З., 2004, с. 91), требует определенной оговорки при условии, что сон записан, а не рассказан (что подразумевают традиционные психоаналитические отношения).

Согласно классической психоаналитической технике работы со сновидениями, толкование записанного материала без непосредственного участия сновидца в аналитическом процессе невозможно. Это обуславливается отсутствием свободных ассоциаций на предъявление отдельных частей сновидения (Фрейд, 2004) и недостаточностью сведений о переживаниях предыдущего дня, которым отводится главенствующая роль: «Нам снятся во сне только такие материи, которые дали нам днем повод к

размышлению» (Фрейд, 2004, с. 190). Так, принимая во внимание специфику проведения психобиографического исследования, ни одна из трех техник (толкование сновидений, проработка свободных ассоциаций, работа с реакциями перенесения) для анализа стадий развития личности не могла быть использована, что привело психобиографов к необходимости поиска иных способов исследования, которыми, например, стали разработки К. Хорни в области межличностных и интрапсихических защитных стратегий. Результаты исследований Хорни с 1970-х и вплоть до начала 1990-х активно применялись в США при создании психобиографий Р. Фроста, Ч. Хьюджеса, И. Сталина, Л. Джонсона и др.

Приложение аспектов теории К. Хорни к психобиографическому исследованию стоит на допущении, что психическое развитие личности можно реконструировать исходя из ее внешних проявлений – то есть выбранных стратегий защиты. В соответствии с теорией Хорни, анализируя и распознавая эти защиты, возможно дифференцировать «идеальное Я» от «реального Я», а впоследствии – вычленив соответствующий избранной модели поведения индивида базовый конфликт, исследовать его генезис и хронологически воссоздать все этапы становления психики объекта исследования.

Первопричина применения положений теории Хорни в рамках психобиографического исследования заключается в частом отсутствии сколько бы то ни было исчерпывающей информации о раннем детстве субъекта анализа. При учете изложенного реконструкция этапов психического развития ведется хронологически «с конца» – то есть с защит зрелой, сформированной личности. Здесь возможно выдвинуть предположение, что данный подход нарушает принцип причинно-следственной связи, когда причина (интрапсихический конфликт доэдипальной или эдипальной стадии развития или патогенное окружение) выводится из следствия (межличностной или интрапсихической защитной стратегии индивида). Допустимо будет отметить, что подобный подход ведет к искаженной картине причины, представляющей исключительно в качестве подтверждения и обоснования следствия. Более того, когда психобиографическое исследование в отправной точке анализа исходит из защит зрелой личности, оно не учитывает факта влияния раннего окружения на развитие психики и не затрагивает вопроса взаимоотношений в семье, что является существенным упущением критически важных предпосылок развития личности объекта исследования. Так, особое влияние раннего окружения на развитие психики подчеркивали представители различных психоаналитических школ и направлений. К примеру, Юнг отмечал: «Скрытые конфликты родителей и тайные переживания <...> все это влияет на эмоциональное состояние ребенка <...> которое <...> проникает в его душу» (Юнг, цит. по: Лиар, 2008, с. 16). Д. Винникотт и Х. Кохут сходились во мнении, что «если ранняя атмосфера нездорова, это повлечет за собой неизбежные последствия» (Немировский, 2010, с. 55). Фрейд также отводила раннему окружению важнейшую роль в формировании

неврозов: «Многие невротические или психотические родители превращают ребенка в составную часть собственной патологической системы» (Фрейд А., 2000, с. 34).

Применяющиеся в психобиографических исследованиях теоретические базы научного изыскания обнаруживают однородные упущения, имеющие результатом искаженную картину воссозданной стадийности развития личности субъекта исследования. Так, психоаналитический подход по Фрейду изолирует объект исследования от окружающей действительности, принимая изучаемые психические явления в качестве существующих за скобками какого бы то ни было контекста. Приложение теории жизненного цикла Эриксона к психобиографическому исследованию похожим образом не учитывает психосоциальных аспектов в развитии личности. Наконец, воссоздание психического развития личности с использованием теории Хорни аналогично упускает вопрос критического влияния семейного окружения на психику.

Таким образом, ограничения каждого из рассмотренных методов психобиографического анализа приводят к неизбежным обобщениям со стороны исследователя и высокой субъективности трактовок, проистекающей из постулатов принятой за метапсихологическую базу концепции интерпретации. Мы можем допустить, что отмеченный изъян психобиографического исследования имеет две базовые предпосылки.

Первая предпосылка связана с часто обнаруживаемым дефицитом информации о субъекте психобиографического исследования. В большей мере такое положение дел актуально для раннего детства субъекта, которое, как было указано выше, является основным предметом анализа в психоаналитической психобиографии. Недостаточность сведений в данном ключе можно разделить на две обширные подгруппы: сведения автобиографического и биографического характера.

В понятие автобиографических сведений включаются биографические факты в понимании анализанда, его интерпретации своей жизни – т. е. «образы, мысли, фантазии, расположенные в пространстве внутри субъекта, называемом психической реальностью» (Райкрофт, 1994, с. 159–160). Как было отмечено, отсутствие возможности прямого взаимодействия с субъектом исследования обуславливает особую важность наличия автобиографических сведений – они выступают единственно возможным для психобиографа аналогом живого общения между психоаналитиком и его анализандом. «Фантазматичный облик травмы гораздо важнее событийного. И поэтому событие отходит на второй план в системе соотношений. <...> Центром гравитации субъекта является тот синтез прошлого в настоящем, который называют историей. Вот чему мы можем доверять, продвигаясь вперед в нашей работе» (Лакан, 2009а, с. 49–51), – отмечал Ж. Лакан в вопросе о том, что является первостепенным для аналитика, объективная или субъективная реальность его клиента. Отводя последней главенствующую роль, Лакан уточнял: «<...> главным является не

вновь пережитое (воспоминание субъекта о чем-либо как о действительно к нему относящемся, как о действительно пережитом, что сродни ему и принято им), но реконструкция <...>» (Лакан, 2009а, с. 22). Аналогичного мнения придерживается и Немировский, высказывая соображения о значении факта в психоаналитической практике: «<...> важные факты, которые излагает нам <...> (анализанд. – Н. И.), очевидным образом являются его интерпретациями случившегося. Но мы считаем эти интерпретации фактами, поскольку в психологическом смысле они ими и являются <...>» (Немировский, 2010, с. 42). Похожие взгляды демонстрировал П. Рикер, отмечая: «Факт имеет психоаналитический смысл, если он имеет четыре свойства (измерения): он рассказан, он адресуется другому человеку, он является фантазией, фигуральным изложением или символом, и, кроме этого, он является частью биографического повествования» (П. Рикер по: Немировский, 2010, с. 43). Данную точку зрения также разделяла Фрейд, указывая: «Травматические влияния на ребенка нельзя прочесть по проявившейся истории жизни, так как они зависят не от объективной важности события, а от его субъективного влияния на каждого конкретного ребенка» (Фрейд А., 2000, с. 198). С вышеуказанными положениями был солидарен Юнг, считавший, что для анализа любые события жизни индивидуума – внутренние и внешние – могут считаться «реальными» без отсылки к тому, имели ли они место в реальной жизни. Согласно Юнгу, человек переживает события своего бытия исключительно «в категориях субъективного повествования, а не исторической истины» (Сэмьюэлз, Шортет, Плот, 2009, с. 185).

В понятие биографических сведений о раннем детстве субъекта психобиографического исследования включаются как изданные биографии – прижизненные и посмертные, но также и иные разнородные свидетельства современников о жизни субъекта анализа. Наличие разносторонней информации биографического характера о субъекте исследования является условием недопущения односторонней (субъективной) трактовки материала, что неизбежно приводит к противоречиям всего психобиографического исследования. Таким образом, биографические сведения здесь выступают в качестве подспорья информации автобиографической, что обеспечивает всесторонний характер научного изыскания.

Вторая предпосылка фундаментальной проблемы психобиографического исследования корнями уходит в идею о метапсихологии («общую теорию, т. е. положения на самом высоком уровне абстрагирования» (Райкрофт, 1994, с. 90)), способной дать исчерпывающее объяснение многочисленным психическим процессам, формирующим сознание человека. Здесь уместно будет повторно процитировать Фрейда, отметившего: «для некоторых из <...> (проблем художественного творчества. – Н. И.) психоаналитическое рассуждение дает удовлетворительное объяснение, в то время как по отношению к другим оно полностью отсутствует» (Лейбин, 2002, с. 11). Соответственно, в приложение к обозначенной фундаментальной проблеме психобиографии мы можем заключить, что психоаналитическая теория развития личности как единственный метод реконструкции психики способна дать только частичное представление

о формировании личности субъекта исследования. Корректность допущения подтверждают и непосредственно постфрейдистские исследования, в частности следует отметить здесь позицию Х. Хартманна: «В психоаналитической психологии в целом и в детской психоаналитической психологии в особенности не следует ограничиваться данными, полученными психоаналитическими методами» (Х. Хартманн, цит. по: Фрейд А., 2000, с. 62).

Для психобиографического исследования монокаузальный (имеющий одну-единственную причину) подход всегда оказывался критической точкой объективного научного изыскания, поскольку психобиографу приходилось отталкиваться от собственных интерпретаций и в определенной мере искусственно воссоздавать пороговые периоды этапов развития личности. Другими словами, монокаузальный подход к психобиографическому исследованию может быть отнесен к «гипотетически-индуктивному методу» по Р. Кэттеллу, в рамках которого исследователь имеет определенную гипотезу или теорию еще до начала работы (Кэттелл, Айзенк, Оллпорт, 2007). Следовательно, в ходе исследования аналитик, стоящий на позициях своей психологической школы, зачастую прибегает к обобщениям или же сознательно упускает из вида значительные факты биографии субъекта исследования, стремясь к недопущению опровержения своей теории и основанной на ней гипотезы всего психобиографического исследования. Обсуждая прикладные аспекты теории психоанализа, Лакан аналогичным образом высказывался против любых попыток свести процесс развития психики к единой структуре: «Идея однолинейного, предустановленного индивидуального развития, проходящего один за другим чередующиеся в заданной типической последовательности этапы, есть не что иное, как чистой воды маскировка <...> нарочитое игнорирование <...> всего того, что составляет в анализе самую суть его» (Лакан, 2009б, с. 23).

В соответствии с изложенным для объективного психобиографического исследования необходимость междисциплинарного, симбиотического подхода к вопросу реконструкции этапов развития личности видится очевидной. В свете обсуждаемого вопроса Немировский заключает категорично: «Любая метапсихология не вмещает в себя все клинические феномены, неизбежно подгоняя материал под свои схемы» (Немировский, 2010, с. 86).

Определение фундаментальной проблемы психобиографического исследования – чрезмерность обобщений и субъективизм – и выделение основных причин ее возникновения, а именно дефицита биографических и автобиографических сведений о субъекте анализа, использования монокаузального подхода к научному изысканию, позволяет нам сделать допущение о возможности выработки критериев, удовлетворение которых

может в достаточной степени снизить субъективность¹⁰ психобиографических трактовок событий жизни объекта исследования и не допустить необоснованных обобщений в их интерпретациях.

Соответственно, в отношении выбора субъекта психобиографического анализа мы должны для начала ввести *а-критерий* – наличие пространственных автобиографических свидетельств, освещающих ранние этапы развития личности¹¹ исследуемого субъекта. Так, вводимый *а-критерий* призван минимизировать субъективность трактовок в ходе проведения психобиографического изыскания путем обеспечения исследователя спектром текстового материала для использования в качестве отправных точек исследования; таким образом, исключается необходимость искусственно воссоздавать критические этапы развития личности субъекта анализа, отталкиваясь исключительно от интерпретаций доступных фактов из зрелого периода жизни последнего. Вводимый *б-критерий* – это широкий спектр биографической информации, доступной для сопоставления с содержанием *а-критерия*. Удовлетворение *б-критерия* гарантирует возможность критической перекрестной проверки интерпретаций (анализа) содержания *а-критерия*; другими словами, *б-критерий* устанавливает максимально возможный уровень глубины анализа, естественным образом ограничивает хронологические рамки исследования. Как следствие, интерпретации психобиографического анализа остаются в рамках наблюдаемой (объективной) реальности, так как ограничиваются действительностью того, что в историческом смысле случилось на самом деле (*а-критерий*) и было конкретным образом субъективно воспринято и пережито (*б-критерий*).

¹⁰ Почему мы говорим о снижении субъективности, намеренно в шаге останавливаясь от подлинной научной беспристрастности, становится очевидным исходя из самой природы психоанализа как теоретической основы психобиографического исследования: «Мне остается поставить вас перед фактом, что в настоящее время среди думающих аналитиков <...>, возможно, не найдется и двух, одинаково представляющих себе действие, цели, возможности и смысл психоанализа» (Лакан, цит. по: Лакан, 2009а, с. 17–18). Более того, когда исследователь не ставит своей задачей построение универсальной теории развития личности, а устремляет научный интерес в область исследования конкретного индивида, вслед за Юнгом в отношении подобного изыскания мы должны признать: «Вопреки единообразию конфликтов и комплексов, каждый случай уникален, т. к. уникален каждый индивид. Каждый случай представляет индивидуальный интерес для психоаналитика, и течение анализа каждый раз уникально» (Юнг, цит. по: Лиар, 2008, с. 35).

¹¹ Эвристический термин «этапы психического развития» в контексте психобиографического исследования отражает позицию Г. С. Салливана, вложившего в термин в меньшей степени факт наличия хронологически обусловленных этапов жизни (младенчество, детство и пр.), но в большей степени факт критичности самих переходов (Салливан, 1999). Так, согласно взглядам Салливана, «изменения личности могут происходить в любое время, но все же чаще они происходят при переходе с одного этапа развития на другой. <...> Эти пороговые периоды являются более критическими, чем сами этапы» (Фрейджер, Фейдимен, 2008, с. 554). Таким образом, предметом анализа в психобиографическом исследовании выступают не теоретически постулируемые этапы, а условные точки перехода с одного этапа развития на другой.

Наконец, в отношении психобиографического исследования как такового вводится *с-критерий*, а именно требование использования междисциплинарного подхода к интерпретации, что служит цели максимально возможного снижения уровня обобщений в интерпретациях в исследовании. Отказ же от единственной теоретической основы изыскания, соответственно, позволяет критически оценивать уже само качество интерпретаций. Любой психический феномен, таким образом, рассмотренный с позиций различных научных школ или дисциплин, обретает взамен линейного векторный характер, то есть становится объемным – что, в свою очередь, позволяет избегать монокаузальности в выводах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Белянин В. П.* Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя: Монография. М.: Генезис, 2006, 320 с.
2. *Блейхер В. М., Крук И. В.* Толковый словарь психиатрических терминов. Воронеж: Модэк, 1995, 640 с.
3. *Василик М. А., Вершинин М. С.* Политология. Словарь-справочник. М.: Гардарики, 2000, 328 с.
4. *Головин С. Ю.* Словарь практического психолога. М.: АСТ, Харвест, 2001, 976 с.
5. *Дружинин В. Н.* Экспериментальная психология: Учебник для вузов. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008, 320 с.
6. *Жмуров В. А.* Большой толковый словарь терминов психиатрии. М.: Джангар, 2010, 864 с.
7. *Кэттелл Р., Айзенк Г., Олпорт Г.* Психология индивидуальности. Факторные теории личности. СПб.: Прайм-Еврознак, 2007, 128 с.
8. *Лейбин В. М.* Классический психоанализ и художественная литература. СПб.: Питер, 2002, 448 с.
9. *Лейбин В. М.* Словарь-справочник по психоанализу. М.: АСТ, 2010, 956 с.
10. *Лакан Ж.* Работы Фрейда по технике психоанализа (Семинар, Книга I (1953/54)). М.: Гнозис, Логос, 2009, 432 с.
11. *Лакан Ж.* «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (Семинар, Книга II (1954/55)). М.: Гнозис, Логос, 2009, 520 с.
12. *Лиар Д.* Детский юнгианский психоанализ. М.: Когито-Центр, 2008, 207 с.
13. *Ломброзо Ч.* Гениальность и помешательство. М.: Рипол классик, 2011, 400 с.
14. *Мещеряков Б. Г., Зинченко В. П.* Большой психологический словарь. М.: АСТ, 2009, 816 с.
15. *Немировский К.* Винникот и Кохут: Новые перспективы в психоанализе, психотерапии и психиатрии: Интерсубъективность и сложные психические расстройства. М.: Когито-Центр, 2010, 217 с.
16. *Осипов Г. В.* Российская социологическая энциклопедия. М.: Инфа-М, Норма, 1998, 672 с.
17. *Петровский А. В.* Общая психология. Словарь. М.: Персэ, 2005, 250 с.

18. *Райкрофт Ч.* Критический словарь психоанализа. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1995, 288 с.
19. *Салливан Г. С.* Интерперсональная теория психиатрии. М.: КСП+, Ювента, 1999, 352 с.
20. *Сироткина И. Е.* Патография как жанр: критическое исследование. [Электронный ресурс] Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2011. № 2. URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2011_2_7/nomer/nomer10.php
21. *Сэмьюэлз Э., Шортет Б., Плот Ф.* Словарь аналитической психологии К. Юнга. СПб.: Азбука-классика, 2009, 288 с.
22. *Фрейд А.* Лекции по детскому психоанализу. М.: ЭКСМО, 2002, 304 с.
23. *Фрейд А.* Психопатологии детства. М.: Nota Bene, 2000, 224 с.
24. *Фрейд А.* Эго и механизмы психологической защиты. М.: АСТ, 2008, 160 с.
25. *Фрейд З.* Психоаналитические этюды. Минск: Попурри, 2010, 608 с.
26. *Фрейд З.* Очерки по психологии сексуальности. Минск: Попурри, 2010, 480 с.
27. *Фрейд З.* Основные психологические теории в психоанализе. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2006, 400 с.
28. *Фрейд З.* Толкование сновидений. М.: Фирма СТД, 2004, 680 с.
29. *Фрейджер Р., Фейдимен Д.* Большая книга психологии. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008, 704 с.
30. *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007, 208 с.
31. *Юнг К. Г.* Проблемы души нашего времени. М.: Академический проект, 2007, 288 с.
32. *Якушев И. Б.* Патография: экзотика или методология? [Электронный ресурс] Медицинская психология в России: электрон. науч. журн. 2010. № 4. URL: http://www.medpsy.ru/mprj/archiv_global/2010_4_5/nomer/nomer18.php

Psychobiography: reflections on crisis of the genre

I. Yu. Nikitin

Nikitin Ilia Yu., Organizational psychologist (Higher School of Economics, Russia), Master of Arts in Integral psychology (John F. Kennedy University, USA), Micropsychoanalysis program student of Moscow Institute of Psychoanalysis.

Present article explores a brief history of psychobiographic method of personality research and discusses the evolution of interpretation technique: from psychiatric approach (Lelu, Mobius) to psychoanalytic (Freud, Erickson, Horney) in its various variations. Author considers the fundamental problem of the method and proposes a technical approach for its settlement.

Keywords: *psychobiography, patography, psychoanalysis, psychohistory, individual development.*